

Частный порядок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Черновики Анона

18+

Черновики Анона

Частный порядок

«Автор»

2026

Анона Ч.

Частный порядок / Ч. Анона — «Автор», 2026

Бывший сотрудник уголовного розыска открывает частное детективное агентство и берётся за дела, которые слишком странны даже для полиции. Девять расследований начинаются с обычных просьб — найти человека, проверить рассказ, установить личность — но чем больше фактов собирают сыщики, тем меньше привычный мир подчиняется логике.

© Анона Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
От автора	5
Дело 1. Похороны живого человека	8
Дело 2. Между людьми	27
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Частный порядок

Пролог

От автора

Перед вами не сборник реальных уголовных дел, не пересказ чужих постов из интернета и не попытка выдать художественный текст за найденные записи частного детектива. Все истории, персонажи, организации и события здесь вымышлены. Совпадения с настоящими людьми и происшествиями могут быть только случайными.

Наверное, с этого стоило начать сразу.

Потому что истории, написанные в формате анонимного рассказа, всегда находятся где-то между художественной прозой и чужим признанием. Читатель открывает текст, видит простую разговорную речь, знакомую бытовую обстановку, конкретные даты, улицы, профессии — и на какое-то время перестаёт понимать, где заканчивается автор и начинается человек, который действительно мог всё это пережить.

Именно за это я когда-то полюбил истории с Двача, Фочана, Reddit, Пикабу и старых форумов.

Не за обязательную правдивость. С ней там как раз всегда были проблемы. И не за литературное мастерство — половина рассказов была написана людьми, которые ставили запятые исключительно по внутреннему предчувствию. В них цепляло другое.

Человек начинал без подготовки.

Не пытался создать великую атмосферу. Не сообщал, что ночь была зловещей, дом — проклятым, а лес хранил древнюю тайну. Он просто писал:

«Работал я тогда водителем».

Или:

«Мне было девятнадцать, на лето устроился сторожем».

Или:

«Короче, пропал у нас один человек».

Первые абзацы могли быть посвящены зарплате, сломанной машине, начальнику-долбоёбу, семейным проблемам или тому, почему рассказчик вообще оказался в этом месте. А потом среди всей этой узнаваемой бытовухи появлялась одна деталь, которая не должна была там находиться.

Не обязательно призрак.

Иногда неправильное имя в документе. Человек, которого никто не помнит. Лишний пассажир. Старая фотография. Адрес, ведущий не туда. Совпадение, которое ещё можно объяснить по отдельности, но нельзя объяснить целиком.

И рассказчик продолжал говорить тем же голосом.

Не превращался в исследователя паранормального. Не начинал цитировать древние книги. Не давал явлению красивого названия. Он матерился, сомневался, пытался найти обычную причину и до последнего надеялся, что перед ним преступление, ошибка, развод, психическое расстройство или хотя бы чья-то очень дорогая и очень тупая шутка.

Потому что человеческий пиздец, каким бы тяжёлым он ни был, всё равно понятнее неизвестности.

Именно этот принцип лежит в основе «Частного порядка».

Главный герой цикла — бывший сотрудник уголовного розыска, который вместе со старым коллегой открыл небольшое детективное агентство. Он не обладает особенной чувстви-

тельностью, не видит мёртвых, не знает тайных ритуалов и не носит в кармане серебряные пули. Его профессиональные инструменты гораздо скучнее: разговор, наблюдение, документы, камеры, базы данных, человеческая память и привычка не верить первой версии.

Большую часть времени эти инструменты работают.

Изменник оказывается изменником. Должник — беглым должником. Мошенник — человеком, который нашёл чужую слабость и решил на ней заработать. За странным поведением обнаруживаются деньги, страх, болезнь, вина или чья-то тщательно организованная ложь.

Но иногда фактов становится больше, а понимания — меньше.

И тогда частный детектив оказывается в особенно неприятном положении. Полицейский может передать дело дальше. Врач — направить пациента к другому специалисту. Учёный — признать, что данных недостаточно. Частному сыщику платят за конкретный ответ. Клиент пришёл не за философскими рассуждениями и не за признанием ограниченности человеческого знания. Он хочет услышать, где находится его родственник, кто стоит за происходящим и можно ли наконец вернуться к нормальной жизни.

Поэтому герой продолжает искать даже тогда, когда разумнее было бы остановиться.

Каждое из девяти дел начинается с человеческой просьбы.

Найти человека.

Проверить рассказ.

Установить личность.

Разобраться в событии, которое полиция либо уже объяснила, либо не смогла объяснить вообще.

Ни одно дело не начинается словами: «У нас завелось сверхъестественное».

Люди редко так говорят. Даже если сталкиваются с чем-то невозможным, они сначала подбирают более безопасные слова. Ошибка. Совпадение. Провал в памяти. Похожий человек. Монтаж. Сговор. Секта. Эксперимент. Психическое расстройство.

Иногда одно из этих объяснений оказывается правильным.

Иногда — почти правильным.

А иногда найденное объяснение пугает сильнее первоначальной загадки.

Название «Частный порядок» внутри первой истории появляется почти случайно. Главный герой когда-то предлагал так назвать своё агентство, но его напарник решил, что это больше похоже на похоронное бюро или секту.

Возможно, он был прав.

Однако для всего цикла это название подошло лучше.

Порядок здесь действительно частный. Личный. Временный. Собранный из фактов одним конкретным человеком, чтобы хотя бы ненадолго защититься от хаоса. Герой раскладывает перед собой фотографии, показания, маршруты и документы, выстраивает между ними связи и пытается создать версию, внутри которой мир снова работает по известным правилам.

Но порядок существует только до следующей детали.

До ещё одной фотографии.

До нового свидетеля.

До вопроса, который никто не догадался задать вовремя.

Эти девять историй лучше читать последовательно. Они не являются частями одного расследования, и каждое дело имеет собственную завязку и финал. Однако между ними есть связь. Герои помнят то, что происходило раньше. Их отношение к работе, друг к другу и к собственному здравому смыслу постепенно меняется. То, что в первом деле ещё можно принять за исключение, к последнему становится частью гораздо более неприятной картины.

Поэтому финальное «Обучение» — не просто девятая история, которую можно открыть отдельно. Это последняя точка цикла. Или, возможно, момент, после которого ставить точки уже бессмысленно.

Здесь будет ненормативная лексика. Не ради количества и не потому, что без мата невозможно написать страшный рассказ. Просто люди, которые много лет имеют дело с преступлениями, чужой ложью, семейной грязью и необъяснимыми исчезновениями, редко разговаривают друг с другом как персонажи классического романа. Мат в этих историях — часть голоса рассказчика, а не попытка постоянно напоминать читателю, насколько всё вокруг серьёзно и мрачно.

И ещё одна важная вещь.

У большинства описанных событий нет окончательного ответа.

Не потому, что автор забыл придумать разгадку. И не потому, что любой непонятный эпизод автоматически становится мистикой. Просто некоторые истории работают именно в том месте, где доказательств уже достаточно, чтобы отвергнуть простое объяснение, но всё ещё недостаточно, чтобы принять невозможное.

Герой будет строить версии.

Иногда убедительные.

Иногда отчаянные.

Иногда настолько сложные, что существование чудовища показалось бы более экономным объяснением.

Но решать, какая из версий правильная, придётся читателю.

Возможно, все дела можно объяснить людьми, деньгами, препаратами, технологиями, травмой и особенностями памяти. Человечество уже давно научилось делать вещи, которые ещё недавно показались бы сверхъестественными.

Возможно, герой действительно постепенно сходит с ума и начинает замечать связи там, где их нет.

А возможно, существуют явления, которые не обязаны становиться понятными только потому, что человек достаточно долго смотрит на них через объектив камеры, выписывает даты в блокнот и складывает документы в папку.

Я не стану заранее предлагать правильный вариант.

Скажу только одно.

Если в начале очередного дела вам покажется, что происходящее уже можно объяснить, не спешите.

Скорее всего, герой тоже так подумал.

И почти каждый раз именно с этого всё начиналось.

Дело 1. Похороны живого человека

Частный сыск в реальности устроен довольно унинительно. В кино детектив сидит в полутёмном кабинете, пьёт виски, перелистывает фотографии с мест преступлений и принимает роковую женщину в шляпе. В жизни ты чаще фотографируешь чужого мужа возле гостиницы, ищешь сбежавшего должника по объявлениям о продаже зимней резины, проверяешь, не ворует ли кладовщик поддоны, и объясняешь клиенту, что его взрослая дочь имеет законное право не отвечать на телефон. Из десяти заказов семь связаны с изменами, два — с деньгами, а последний обычно начинается словами: «Я понимаю, что это звучит странно».

Самые неприятные дела начинаются не с трупа и не с угроз. Они начинаются с человека, который сидит напротив тебя, смотрит совершенно нормальными глазами и рассказывает вещь, которую невозможно одновременно принять за правду и за ложь.

Мне тогда было сорок два. До частной практики я девять лет проработал в уголовном розыске, потом ещё четыре — в службе безопасности одного банка. Из полиции ушёл без красивой легенды. Не разоблачил начальство, не отказался фабриковать дело, не получил пулю возле сердца. Просто однажды понял, что больше не хочу видеть, как работа постепенно становится единственной формой жизни. В банке продержался дольше, но там вместо пьяных убийц были трезвые люди в дорогих костюмах, а разница, как выяснилось, не всегда принципиальная. В итоге открыл маленькое агентство вместе с бывшим коллегой Славой, снял две комнаты над стоматологией и начал продавать гражданам то, что раньше государство выдавало им бесплатно и с раздражением: внимание к их проблемам.

Слава занимался в основном технической частью. Камеры, базы, автомобили, поиск цифровых следов, восстановление удалённых переписок в тех пределах, где это не превращалось в уголовную статью. Я разговаривал с людьми, ходил по адресам и делал ту часть работы, которую нельзя поручить программе. Кроме нас была секретарь Ольга, женщина с таким выражением лица, что даже курьеры приносили документы полностью заполненными. Название у агентства было бессмысленно приличное — «Контур». Я предлагал назвать «Частный порядок», но Слава сказал, что это звучит как похоронное бюро или секта.

Клиентку звали Елена Викторовна. На вид ей было около сорока пяти. Короткие тёмные волосы, хорошее пальто, аккуратные руки, никаких слёз и театра. Она пришла одна, заранее собрала документы в прозрачную папку и начала разговор без обычных вступлений.

— Мне нужно выяснить, где мой муж провёл ночь с двенадцатого на тринадцатое ноября. Я спросил, считает ли она, что у него другая женщина.

— Нет.

— Алкоголь, наркотики, азартные игры?

— Нет.

— Он сам не говорит, где был?

— Говорит. В этом и проблема.

Её мужа звали Сергей Андреевич Крылов. Сорок восемь лет, главный бухгалтер в компании, которая торговала промышленным оборудованием. Двадцать три года брака, взрослая дочь училась в другом городе. Сергей никогда надолго не исчезал, не пил запоями, долгов не имел, телефоны не прятал. Вечером двенадцатого ноября он вышел с работы примерно в половине седьмого. Машину оставил на офисной парковке. Домой не приехал. На звонки не отвечал. В полицию Елена обратилась около двух ночи, но заявление о пропаже у неё приняли без особого энтузиазма: взрослый мужчина, семейных конфликтов нет, телефон периодически регистрируется в сети, оснований считать, что совершено преступление, пока не видно.

В семь утра Сергей сам открыл дверь своим ключом. Был трезв, не ранен, одежда целая, ботинки в мокрой земле. Пахло от него свечным воском, дешёвым табаком и чем-то аптечным. Он очень удивился, увидев жену не спящей, и спросил, почему она не поехала с ним.

— Куда? — спросила Елена.

— На похороны.

Сергей был уверен, что предыдущим вечером они вместе присутствовали на похоронах некоего Евгения Николаевича. Фамилию он не помнил. Не мог толком объяснить, кем покойный ему приходился, но говорил о нём с тяжёлой, искренней печалью. Помнил автобус, кладбище, зал для поминок, людей за столом, речь женщины в сером костюме, плохо закрывающуюся дверь и часы, остановившиеся на двенадцати минутах восьмого. Был уверен, что Елена сидела рядом, хотя на самом деле она всю ночь звонила в больницы и морги. Когда жена показала журнал вызовов и переписку с дочерью, Сергей сначала решил, что она зачем-то над ним издевается. Потом начал злиться. Потом испугался.

— Он прошёл обследование, — сказала Елена. — Невролог, психиатр, анализы, томография. Ничего серьёзного не нашли. Врачи говорят, мог быть эпизод нарушения памяти на фоне стресса. Только откуда взялись похороны? Почему он помнит людей, разговоры, еду? Почему на ботинках была кладбищенская земля?

— Вы проверяли, умер ли кто-то из его знакомых?

— Все проверила. На работе никто не умер. Среди родственников тоже. Имя Евгений Николаевич ему почти ни о чём не говорит. У них был клиент с таким именем, но тот жив.

— Муж сейчас где?

— Дома. На работу его временно не допускают. Он сам попросил.

Я спросил, почему они обратились к частному детективу, если Сергей уже вернулся и физически с ним всё в порядке.

Елена достала из папки лист бумаги. На нём было напечатано двенадцать телефонных номеров. Без имён.

— Через три дня после той ночи ему позвонила женщина. Спросила, помнит ли он похороны. Она тоже там была. Потом появился ещё один человек. Они нашли остальных. Всего двенадцать. Все помнят один вечер. Никто не знает, кого хоронили.

Сергей Крылов принял меня дома. Жили они в обычном новом доме, без мраморных лестниц и золотых унитазов. Трёхкомнатная квартира, книги, фотографии дочери, на кухне хороший кофе. Сергей выглядел хуже, чем на фотографии в паспорте: небритый, осунувшийся, с постоянным выражением человека, который пытается вспомнить, выключил ли утюг, только вопрос у него был гораздо серьёзнее.

Поначалу он говорил сухо и настороженно. Ему было стыдно. Не за то, что исчез, а за то, что собственная память перестала принадлежать ему полностью. Человек может признать, что забыл имя, дату или разговор. Гораздо труднее признать, что помнишь событие, которого не было.

— Я вышел с работы, — рассказывал он. — Собирался идти к машине. Возле шлагбаума стоял микроавтобус. Серый, без надписей. Водитель спросил: «Вы на прощание?» Я сказал, что, вероятно, ошиблись. Потом увидел в салоне Николая Петровича.

— Кто это?

— Тогда я был уверен, что знаю. Мужчина лет шестидесяти. Полный, в коричневой куртке. Я сел рядом и спросил, где Елена. Он ответил: «Она приедет отдельно». Сейчас я не знаю никакого Николая Петровича.

— Вы помните номер машины?

— Нет.

— Марку?

— Похож на «Форд». Или «Мерседес». Внутри было темно.

В автобусе находились ещё несколько человек. Сергей помнил их лица и одежду, но не имена. Он чувствовал, что знаком с ними через покойного. Не близко, но достаточно, чтобы вместе ехать на похороны. Это ощущение не опиралось ни на один конкретный факт. Он не мог сказать, где встречал их раньше, о чём говорил, чем они занимались. Просто внутри памяти уже лежала готовая уверенность: свои.

Ехали около часа. За окнами сначала был город, затем частный сектор, потом лес. Сергей несколько раз смотрел в телефон, но на экране будто бы не было сети. Он не помнил, пытался ли кому-то звонить. Не помнил, как проходил через кладбищенские ворота. Следующее ясное воспоминание — длинная дорожка между мокрыми деревьями и женщина впереди, несущая венок с бордовой лентой. Они подошли к закрытому гробу. Крышка была тёмная, лакированная, по краям блестели капли дождя.

— Вы видели тело? — спросил я.

Сергей долго не отвечал.

— Да.

— Крышку открывали?

— Мне кажется, да.

— Что значит «кажется»?

— Я помню лицо. Но не помню момент, когда его увидел.

Он описывал мужчину лет пятидесяти пяти. Худой, высокий лоб, седина у висков, маленький шрам возле правого уха. На левой руке отсутствовала верхняя фаланга мизинца. Руки лежали на груди, и именно палец Сергей почему-то запомнил особенно хорошо. Покойный был ему знаком. Более того, Сергей чувствовал благодарность перед ним, хотя не мог объяснить за что.

После кладбища всех отвезли в небольшой зал. Там стояли два длинных стола, накрытых белыми скатертями. На стене висели остановившиеся часы. Подавали борщ, картошку, холодную рыбу, дешёвую водку и слишком сладкий компот. Сергей не пил. Возле окна курил мужчина в чёрном свитере. Женщина в сером костюме произнесла речь, в которой сказала: «Евгений Николаевич умел быть рядом так, чтобы его не замечали». Потом кто-то добавил: «Теперь, наверное, заметим». Люди неловко засмеялись.

— Ваша жена там была?

— Я уверен, что была. Сидела справа. На ней был тёмно-синий платок.

— У Елены Викторовны есть такой платок?

— Нет.

— Вы с ней разговаривали?

— Несколько раз. Только я не помню слов. Помню, как она подала мне хлеб.

Около полуночи люди начали расходиться. Сергея снова посадили в микроавтобус. Он проснулся уже возле дома. Никакого транспорта рядом не было. Поднялся в квартиру, уверенный, что жена приехала раньше.

Я спросил, видел ли он в ту ночь что-то, что можно было бы назвать сверхъестественным.

— Нет. В том и дело. Всё было совершенно обычным. Если бы там ходили мертвецы или гасли свечи, я бы решил, что приснилось. А я помню, как мужик за столом не мог открыть минералку и бил крышкой о край стула. Помню, что в туалете не было бумажных полотенец. Помню, как у автобуса запотели окна. Так не снятся похороны. Так они происходят.

На столе перед ним лежала школьная тетрадь. Сергей записывал всё, что вспоминал. Я попросил показать. Записи занимали больше двадцати страниц: схема зала, расположение людей, примерное меню, обрывки фраз, рисунок часов, описание кладбищенской дорожки. На отдельном листе были двенадцать имён. Некоторые с вопросительными знаками.

Среди них значились Николай Петрович Гусев, Марина Орлова, Андрей Безруков, Тамара Никитична Кольцова. Реальные люди, с которыми Сергей познакомился уже после исчезновения. Все они утверждали, что присутствовали на тех же похоронах.

Первой их нашла Марина Орлова. Ей было тридцать семь, работала администратором в частной стоматологии. Через два дня после той ночи она увидела Сергея в продуктовом магазине. Узнала, подошла и спросила, как он себя чувствует после похорон. Сергей ответил, что они, вероятно, знакомы, но он не может вспомнить откуда. Марина назвала зал, часы и речь женщины. После этого они обменялись номерами и начали искать остальных по случайным деталям: один человек оставил визитку, другой назвал место работы, третьего нашли через социальную сеть.

Меня особенно заинтересовало, что все двенадцать были обычными людьми. Не эзотерики, не пациенты психиатрической клиники, не участники одной религиозной группы. Инженер, бухгалтер, продавец, преподавательница музыки, пенсионер, водитель, медицинская сестра, специалист по закупкам. Возраст от тридцати двух до шестидесяти семи. Жили в разных районах. Раньше почти никто друг друга не знал.

Я встретился с каждым отдельно. Это заняло две недели.

Разговоры оказались неприятнее, чем я ожидал. Не потому что люди рассказывали жуть. Наоборот, их воспоминания были мучительно бытовыми. Марина Орлова помнила, как на кладбище каблук провалился в мягкую землю и незнакомая женщина поддержала её под локоть. Водитель Андрей Безруков жаловался, что борщ был холодным, а ложка пахла хлоркой. Тамара Никитична описывала пластиковые цветы в коридоре и трещину на потолке, похожую на ветку. Николай Гусев помнил, что возле гроба у кого-то звонил телефон мелодией из старого советского фильма, но никто не решился ответить.

Расхождения тоже были. Сергей считал, что на улице шёл дождь. Марина помнила мокрый снег. Николай утверждал, что было сухо. Одни видели священника, другие — женщину в чёрном платке, проводившую гражданскую церемонию. Трое были уверены, что гроб опустили в землю. Пятеро помнили крематорий. Двое вообще не помнили захоронения, только прощание и поминки.

Но несколько деталей совпадали у всех.

Часы в зале остановились на 19:12.

На столе стояли прозрачные солонки с синими крышками.

У покойного не хватало фаланги левого мизинца.

Женщина в сером костюме произнесла фразу о человеке, который «умел быть рядом так, чтобы его не замечали».

Имя покойного — Евгений Николаевич.

Ни один из двенадцати не мог назвать фамилию.

Ещё одна общая деталь выяснилась не сразу. Каждый считал, что покойный однажды помог ему в трудной ситуации. Не спас жизнь, не дал денег, не вытащил из тюрьмы. Помощь была небольшой, но важной: подсказал врача, устроил ребёнка в школу, нашёл потерянные документы, довёз ночью домой, посоветовал не подписывать договор. При этом никто не мог вспомнить сам эпизод достаточно подробно. Оставалось только чувство долга.

— Я знаю, что он помог мне после развода, — говорила Марина. — Только развелась я восемь лет назад, а лица его не помню. Как такое возможно?

— Возможно, вы услышали это на церемонии, — отвечал я. — Кто-то рассказал похожую историю, и память присвоила её.

— Тогда почему я до сих пор чувствую, что обязана ему?

— Чувство не является доказательством события.

— А что является? Воспоминание?

Хороший вопрос. На него моя профессия давно не давала убедительного ответа.

Свидетельские показания считаются доказательством, хотя любой следователь знает, насколько человеческая память ненадёжна. Люди не хранят внутри себя видеозапись. Каждый раз, вспоминая, мы собираем событие заново из отдельных деталей, ожиданий, чужих слов и того, что уже успели рассказать раньше. Если достаточно уверенно повторить человеку, что он видел красную машину, через неделю он может честно вспомнить красную машину. Не соврать — вспомнить. Память охотно заделывает дыры материалом, который ей подсовывают.

Но здесь двенадцать человек получили почти одну и ту же конструкцию.

Я начал с простых связей. Проверил рабочие места, медицинские учреждения, банки, мобильных операторов, фитнес-клубы, страховые компании, курсы, сайты знакомств. Люди нигде не пересекались всей группой. Однако через неделю Слава нашёл общую точку.

За последние полгода каждый из двенадцати проходил обследование или тестирование, связанное с памятью и вниманием.

Формально программы были разными. Сергей участвовал в корпоративной диспансеризации. Марина заполняла анкеты для исследования профессионального выгорания. Тамара Никитична проходила бесплатную проверку когнитивных функций в районной поликлинике. Андрей Безруков откликнулся на объявление о платном психологическом эксперименте. У Николая тестировали реакцию перед продлением водительской справки.

Проводили обследования разные организации. Но обработкой данных во всех случаях занималось ООО «Рекурс».

Компания существовала меньше двух лет. Официально — исследования в области психологии восприятия, анализ потребительского поведения и обучение персонала. Юридический адрес — комната в бизнес-центре, где одновременно были зарегистрированы ещё сорок фирм. Директор — некая Лариса Владимировна Лебедева, кандидат психологических наук. До «Рекурса» работала в университете, затем в частной лаборатории нейромаркетинга. Публикации у неё были настоящие: память свидетелей, групповое внушение, влияние контекста на достоверность воспоминаний.

Сергей имени Лебедевой не знал. Остальные тоже.

Мы подняли банковские операции. Всем участникам исследования платили небольшие суммы или предоставляли скидки на обследования. В договорах содержалось стандартное согласие на анонимизированную обработку данных и участие в дополнительных тестах. Мелкий шрифт позволял связываться с человеком повторно, проводить групповые исследования и использовать аудиовизуальные стимулы. Ничего про похороны, препараты или вывоз за город там, естественно, не было.

Слава проверил телефоны. Вечером исчезновения все двенадцать получили короткие входящие звонки с разных номеров. У большинства вызовы длились от двадцати до сорока секунд. Сергей не помнил звонка. Марина была уверена, что ей позвонила коллега и напомнила о прощании. Андрей считал, что говорил с двоюродным братом. Номера оказались виртуальными и уже не обслуживались.

— Вот тебе и мистика, — сказал Слава. — Их собрали. Позвонили каждому, назвали знакомым, посадили в автобус. Дальше гипноз, колёса, театральная постановка.

— Зачем?

— Эксперимент. Богатый заказчик. Отработка мошенничества. Выбирай.

— Как заставить человека узнать голос знакомого?

— Не обязательно заставлять. Позвони сонному, скажи: «Это я, ты едешь?» Половина сама подставит нужное лицо.

Он был прав. Большинство телефонных разговоров строится на добровольном угадывании. Нам говорят «привет», а мы сами решаем, чей голос слышим. Хороший специалист по социальной инженерии редко врёт полностью. Он оставляет человеку место, которое тот заполняет собственной уверенностью.

Через знакомого в ритуальном бизнесе я проверил аренду залов. В ночь с двенадцатого на тринадцатое ноября несколько частных прощальных помещений действительно работали. Большинство проводило обычные церемонии, одну площадку сдавали под съёмки сериала, ещё одну — под корпоративное мероприятие похоронной компании. Под описание свидетелей подходил старый траурный зал возле закрытого крематория на северной окраине города.

Крематорий строили ещё в восьмидесятые, но полностью так и не запустили. В девятые часть помещений использовали как склад, потом комплекс перешёл частной фирме. Новый владелец отремонтировал административное крыло и сдавал зал для прощаний, киносъёмок и семинаров. На территории было несколько служебных строений, гараж и заброшенная печная часть, куда посторонних не пускали.

Управляющий сначала утверждал, что в нужную ночь ничего не происходило. Потом я показал ему данные о движении микроавтобуса, который камера на соседней заправке зафиксировала дважды: в 19:03 и в 00:47. Номер принадлежал транспортной компании, получавшей деньги от «Рекурса».

Управляющего звали Аркадий Ильич. Он был уже немолод, носил слишком тесный пиджак и постоянно тёр ладонью подбородок. После недолгого торга согласился поговорить без диктофона.

— Они арендовали зал под психологический тренинг, — сказал он. — Такое бывает. Реконструкция прощания, работа с утратой. Люди сейчас за любые странности платят.

— Был гроб?

— Был.

— С телом?

— Пустой.

— Вы проверяли?

— Сам помогал ставить. Обычный демонстрационный гроб из выставочного зала. Они его у другой фирмы взяли.

— Кто организовывал мероприятие?

— Женщина, Лебедева. Ещё двое мужчин. Медики или техники, не знаю. Привезли аппаратуру, колонки, лампы. Просили камеры не отключать.

— Зачем им камеры?

— Для исследования.

— У вас сохранилась запись?

Он посмотрел на меня так, будто я предложил украсть собственный автомобиль.

— Нет.

— Кто забрал?

— Они.

— А локальная копия?

— Нет.

По выражению его лица было понятно, что локальная копия есть.

Я не стал давить сразу. Мы прошли по залу. Он почти полностью совпадал со схемой Сергея: два длинных стола, окно, коридор, трещина на потолке. Часы висели другие. Прозрачных солонок не было, но мебель могли привезти организаторы. За зданием начиналась старая территория крематория, заросшая кустами. Никакого действующего кладбища рядом не было.

— Они вывозили людей отсюда куда-то ещё? — спросил я.

— Насколько знаю, нет.

— Участники помнят захоронение.

— Значит, им показали кино.

— На ботинках одного была земля.

— У нас вокруг земля. Ноябрь был.

Логично.

Аркадий Ильич уже собирался проводить меня, когда я спросил, что случилось после мероприятия.

Он остановился.

— Ничего.

— Вы врётё.

— С чего вы взяли?

— Потому что до этого вы рассказывали спокойно, а теперь начали тереть подбородок.

Он убрал руку.

— Они уехали около часа ночи. Я пошёл закрывать зал. Там оставался гроб. По договору должны были забрать утром. Крышка была закрыта.

— И что?

— Мы ставили его открытым. Для реквизита. Потом я попытался поднять крышку и не смог.

— Заколотили?

— Нет. Замков у него не было. Просто тяжёлый.

— Внутри кто-то находился?

— Я не стал проверять один.

— Утром?

— Утром гроба уже не было.

— Кто забрал?

— Приехала машина до моего прихода. Охранник открыл.

— Охранник смотрел внутрь?

— Нет.

Это могло быть враньём, которым человек украшает неприятную историю. Пустой гроб из дешёвой древесины весит немало. Крышку могло перекосить от влажности. Аркадий Ильич мог просто испугаться после странного мероприятия и теперь дорисовывал детали. Я спросил, слышал ли он что-нибудь ночью.

— Разговаривали в зале, — ответил он. — Потом долго стояла тишина.

— Музыка?

— Была запись колоколов. Ещё женский голос что-то читал.

— Фразу про человека, которого не замечали?

Он побледнел едва заметно.

— Откуда вы знаете?

— Все участники помнят.

— Я слышал её два раза.

— В каком смысле?

— Сначала женщина сказала в микрофон. Потом, уже когда люди сидели за столами, ту же фразу произнёс мужчина. Очень тихо. Я находился в коридоре. Решил, что кто-то повторяет.

— Кто?

— Не видел.

Через три дня Аркадий Ильич прислал мне фрагмент записи. Не всю ночь — двадцать семь минут с одной камеры под потолком. Он написал, что больше ничего не сохранилось и чтобы я никогда не упоминал его имени.

Видео начиналось в 20:46. В зале сидели двенадцать человек. Я узнал Сергея, Марину, Андрея и остальных. Одежда соответствовала их рассказам. На столах стояла еда. Никакой женщины в сером костюме видно не было. Гроб находился у дальней стены, закрытый. Из-за угла камеры его передняя часть почти не просматривалась.

Люди разговаривали мало. Некоторые выглядели сонными. Сергей действительно сидел один: справа от него был пустой стул. Однако он периодически поворачивался к этому стулу и что-то говорил. Несколько раз пододвинул в ту сторону тарелку, потом передал хлеб человеку, которого камера не фиксировала. Хлеб он положил на край пустого места, откуда через несколько секунд взял обратно.

Это могло быть внушение. Ему заранее сообщили, что рядом находится жена. Мозг достроил её присутствие.

На двадцатой минуте в зале зазвучал женский голос. Он произнёс речь о Евгении Николаевиче. Голос был ровным, профессиональным, явно записанным. Женщина говорила, что покойный умел слушать, никого не осуждал и помогал людям незаметно. Закончилось всё той самой фразой:

«Он умел быть рядом так, чтобы его не замечали».

После записи люди некоторое время молчали.

Потом из дальнего конца стола раздался мужской голос:

— Теперь, наверное, заметим.

Несколько человек слабо засмеялись.

На камере было видно, кто находился за столом. Фраза не совпала с движением губ ни одного участника. Источник мог быть вне кадра — сотрудник, колонка, техник. Ничего невозможного.

Последние минуты оказались хуже.

В 21:12 часы на стене остановились. Я увеличил изображение. Секундная стрелка дёрнулась и замерла. В ту же секунду все двенадцать участников повернули головы к гробу.

Не резко и не синхронно, как в плохом фильме. Сначала Марина. Через секунду Сергей. Потом остальные, один за другим, будто по залу прошло тихое движение, которого камера не могла увидеть. Они продолжали сидеть и смотреть.

Гроб оставался закрытым.

Через полминуты Сергей поднялся. Следом встали остальные. Они выстроились в очередь. Один за другим подходили к гробу, наклонялись и задерживались у края, словно крышка была открыта.

Но крышка на записи не двигалась.

Я пересмотрел несколько раз. Люди подходили к закрытому гробу и смотрели на его лакированную поверхность так, будто видели лежащее внутри лицо. Некоторые крестились. Марина коснулась губ пальцами. Николай Гусев вытер глаза. Сергей посмотрел вниз, затем перевёл взгляд на левую сторону гроба и долго всматривался туда, где, по его воспоминаниям, лежала рука с отсутствующей фалангой.

Когда последний человек отошёл, очередь закончилась.

Потом в кадр вошёл ещё один участник.

Сначала я решил, что это сотрудник. Мужчина появился из слепой зоны возле двери. Высокий, в тёмном костюме, спиной к камере. Подошёл к гробу и остановился.

Лица не было видно.

Он простоял несколько секунд, затем положил ладонь на крышку. После этого запись оборвалась.

Я показал видео Славе.

— Монтаж, — сказал он.

— Проверял?

— Проверю. Но выглядит как постановка. Людей обработали, дали команду смотреть.

Тринадцатый — организатор.

— Почему участники его не помнят?

— Потому что их накачали.

— Чем?

— Найдём Лебедеву — спросим.

Ларису Лебедеву мы нашли не сразу. В офисе «Рекурса» она не появлялась, телефон не отвечал, по месту регистрации жила её мать. Квартира у самой Лебедевой была закрыта, соседи говорили, что она уехала за границу. Через бывшего университетского коллегу я узнал, что Лебедева не скрывается, а работает в частном реабилитационном центре за городом. Центр занимался зависимостями, нарушениями сна и посттравматическими состояниями. Состоятельные пациенты проводили там несколько недель вдали от телефонов и родственников.

Я приехал без предупреждения. Лебедева приняла меня в маленьком кабинете с видом на заснеженный сад. Ей было около пятидесяти. Невысокая, спокойная, седые пряди в тёмных волосах. Не безумная учёная и не холодная злодейка. Выглядела как хороший врач, которому пациенты доверяют раньше, чем успевают понять почему.

Она знала, зачем я пришёл.

— Крыловы наняли вас?

— Вы следите за участниками?

— Нет. Сергей Андреевич писал мне сам. Я не ответила.

— Почему?

— Потому что не могу помочь.

— Начните с объяснения, что произошло двенадцатого ноября.

Лебедева попросила выключить диктофон. Я сказал, что не включал. Она усмехнулась.

— Вы бывший полицейский. Значит, включили что-то другое.

Я выложил телефон на стол и убрал из внутреннего кармана маленький рекордер. Она оценила жест кивком.

— Проект назывался «Согласованное свидетельство», — сказала Лебедева. — Нас интересовало, можно ли сформировать у группы незнакомых людей совместное воспоминание о событии, которого не происходило. Не набор одинаковых ответов после инструктажа, а полноценную автобиографическую память: запахи, эмоции, личные связи, ощущение собственного участия.

— Кто финансировал?

— Частная исследовательская структура.

— Название.

— Не имеет значения.

— Для вас, возможно.

— Для вас тоже. Деньги поступали через несколько компаний. Формально заказчик изучал надёжность свидетельских показаний в стрессовых ситуациях.

— А неформально?

— Возможность создавать свидетелей.

Она произнесла это без драматизма.

Технология, по её словам, состояла не из одного чудесного препарата и не из гипноза с качающимся маятником. Участников заранее тестировали, собирали личные данные, привычные речевые обороты, сведения о родственниках и значимых событиях. Затем с каждым проводили короткие дистанционные сеансы под видом медицинских опросов или проверки внимания. Им давали нейтральные задания, звуки, изображения и фразы, которые позже использовались как опорные сигналы.

В ночь эксперимента людей собирали по отдельности. В автобусах включали определённую музыку, поддерживали нужную температуру, распыляли запахи, связанные с больницами и церемониальными помещениями. Некоторым давали лёгкое успокоительное под видом таблеток от укачивания. На месте участники попадали в пространство, где каждая деталь подска-

звала похороны: свечи, цветы, влажная земля на дорожке, чёрная машина, гроб, приглушённые голоса. Никто прямо не сообщал, кого хоронят. Им позволяли достроить историю самим.

— Зачем именно похороны? — спросил я.

— Это событие с сильной готовой структурой. Люди знают, как должны вести себя, даже если редко присутствуют. На похоронах допустимы провалы памяти, спутанные связи и незнакомые родственники. Никого не удивляет, что он не знает половину гостей. Кроме того, скорбь усиливает внушаемость.

— Вы показывали им тело?

— Нет.

— На записи они смотрят в закрытый гроб.

— Им дали инструкцию подойти и проститься.

— Они помнят лицо.

— Мозг создаёт лица очень легко.

— Все создали одно и то же?

Лебедева замолчала.

Вот здесь разговор изменился. До этого она объясняла уверенно, как преподаватель. Теперь начала подбирать слова.

— Мы не ставили задачу сформировать конкретную личность покойного, — сказала она. — В сценарии он назывался просто Евгением Николаевичем. Имя было выбрано случайно. Отчество — тоже. Речь состояла из общих фраз. Участники должны были самостоятельно решить, кем он для них являлся.

— Шрам возле уха?

— Не было в сценарии.

— Отсутствующая фаланга?

— Не было.

— Возраст, телосложение?

— Не было.

— Почему двенадцать человек описывают одного мужчину?

— Не все детали совпадают полностью.

— Достаточно.

Она посмотрела в окно.

— На следующий день мы провели индивидуальные интервью. Участникам не позволяли общаться. Девять человек описали отсутствие части мизинца. Семеро — шрам. Одиннадцать назвали примерно одинаковый возраст. Все говорили, что Евгений Николаевич когда-то оказал им небольшую помощь. Это не соответствовало протоколу.

— Один из организаторов мог добавить информацию.

— Мы проверили.

— И, конечно, никто не признался.

— Дело не в признании. Все аудиоматериалы сохранились. В инструкциях этих признаков нет.

— Тринадцатый мужчина на записи кто?

Лебедева посмотрела на меня очень внимательно.

— Какой мужчина?

Я описал фрагмент.

— После участников к гробу никто не подходил.

— У меня есть видео.

— Покажите.

Я открыл запись на ноутбуке. Она смотрела молча. Когда в кадре появился мужчина, Лебедева наклонилась ближе. Лицо у неё не изменилось, но пальцы сжались на краю стола.

— У вас была эта запись? — спросил я.

— У нас были записи с трёх камер. На нашей версии после последнего участника зал пуст.

— Значит, моя смонтирована.

— Вероятно.

— Управляющий крематория зачем-то добавил неизвестного мужчину?

— Или тот, кто дал запись ему.

— Кто это может быть?

Лебедева закрыла ноутбук.

— Проект прекратили не из-за общих воспоминаний. Заказчика результаты устраивали. Даже слишком.

Она рассказала, что утром после эксперимента участникам предложили заполнить анкеты. Последний вопрос звучал так: «Как вы впервые познакомились с Евгением Николаевичем?» Это была намеренная ловушка. Правильный ответ — «не знаю» или «не помню». Однако каждый написал небольшую историю.

Марина утверждала, что он помог ей найти врача для матери.

Сергей — что тот предупредил о мошенническом договоре.

Андрей — что Евгений Николаевич однажды довёз его домой во время сильной метели.

Тамара Никитична — что он нашёл её потерявшегося внука возле вокзала.

Истории различались, но в каждой помощь происходила примерно за семь-восемь лет до эксперимента. Участники указывали разные места и обстоятельства, однако описывали одного человека: спокойный голос, серое пальто, повреждённый левый мизинец.

— Мы проверили, — сказала Лебедева. — Человек с такими данными существует.

— Евгений Николаевич?

— Арсеньев Евгений Николаевич. Пятьдесят шесть лет. Диспетчер в городской тепло-сети. Шрам возле правого уха после аварии. Фалангу мизинца потерял на производстве.

— Он был связан с проектом?

— Нет.

— С участниками?

— Нет.

— Может быть, заказчик использовал его как скрытый прототип.

— Мы так решили. Запросили документы. Заказчик отрицал. Потом я отправила сотрудника поговорить с Арсеньевым.

— И?

— За неделю до эксперимента он находился в больнице после сердечного приступа. В ночь мероприятия состояние ухудшилось. Около половины восьмого врачи проводили реанимацию.

Я посмотрел на неё.

— Он умер?

— Нет. Восстановился. Выписан через две недели.

— 19:12?

— В медицинской карте первая остановка сердца отмечена в 19:12.

Это могла быть подделка. Совпадение. Утечка медицинских данных. Именно так и следовало думать, если не хотелось превращать расследование в дешёвый спиритический сеанс.

— Кто имел доступ к карте?

— Больница. Страховая. Несколько подрядчиков. Получить информацию можно.

— Значит, заказчик выбрал Арсеньева и построил его в эксперимент.

— Возможно.

— Зачем скрывать это от вас?

— Чтобы проверить не только участников.

— А вас.

— Нас, — сказала Лебедева. — Исследователи тоже являются свидетелями. Если мы поверим, что личность возникла спонтанно, результат станет убедительнее.

Версия была разумной. Человек лежит в больнице. Некто получает его медицинские данные, фотографию, голос, биографию. Детали незаметно встраивают в подготовительные сеансы. Участникам кажется, что они знали его раньше. Совпадение времени остановки сердца и церемонии добавляет эффект для организаторов. Жестокий, незаконный, но полностью человеческий эксперимент.

— Почему вы остановили проект? — спросил я.

— Потому что сотрудник встретился с Арсеньевым.

— И что?

— Тот узнал на фотографии четверых участников.

Лебедева пояснила, что никаких групповых снимков Арсеньеву не показывали. Сотрудник принес отдельные фотографии, смешав участников эксперимента с посторонними. Арсеньев выбрал Сергея, Марину, Тамару Никитичну и Николая Гусева. Сказал, что видел их возле своей кровати во время реанимации.

— Он описал похороны?

— Нет. Сказал, что люди стояли в палате и смотрели на него. Врачи их не замечали.

— Галлюцинация при остановке сердца.

— Разумеется.

— Он мог видеть фотографии до этого?

— Мог.

— Сотрудник мог подсказать?

— Мог.

— Значит, объяснение есть.

— Для каждой отдельной детали объяснение есть, — ответила Лебедева. — Именно поэтому я не люблю эту историю.

Я попросил адрес Арсеньева. Она отказалась. Слава нашёл его за два часа.

Евгений Николаевич жил в старой девятиэтажке возле железной дороги. Открыл не сразу. Передвигался медленно, опираясь на трость. Худой, высокий лоб, седина у висков. Возле правого уха действительно тянулся короткий шрам. На левой руке не хватало части мизинца.

Живой человек из чужих похорон.

Я не стал говорить, что представляю интересы Крылова. Назвался частным детективом, показал удостоверение агентства и спросил, знает ли он Ларису Лебедеву.

— Знаю, — ответил Арсеньев. — Она присылала молодого человека.

— Вы согласитесь поговорить?

— А что мне остаётся?

Квартира была бедной, но ухоженной. На кухне стоял старый радиоприёмник. Арсеньев заварил чай, долго устраивался на табурете. Голос у него оказался тихим, немного сиплым.

До сердечного приступа он работал сменным диспетчером. Следил за авариями на сетях, принимал вызовы, координировал бригады. Женат не был, детей не имел. Родители умерли. Жизнь обычная, почти пустая с точки зрения любителя красивых биографий.

— Вы помогали когда-нибудь Сергею Крылову? — спросил я.

— Не знаю такого.

Я показал фотографию.

Арсеньев долго смотрел.

— Этого видел.

— Где?

— В больнице.

— Раньше?

— Нет.

Он описал реанимацию без мистического пафоса. Помнил боль, шум, лица врачей, затем ощущение, будто находится не в теле, а немного ниже собственного зрения. Не летал под потолком, не видел светлого тоннеля. Просто палата стала шире, чем должна быть. Возле стены стояли люди. Четверых он запомнил. Они выглядели растерянными и печальными. Кто-то держал цветы.

— Вы слышали их речь?

— Одну фразу.

— Какую?

Арсеньев опустил взгляд на повреждённую руку.

— Женщина сказала: «На руки не смотрите. Смотрите в лицо».

Я почувствовал, как внутри всё неприятно жалось.

На видеозаписи этих слов не было. Никто из участников мне их не называл. Лебедева тоже.

— Кто была женщина?

— Не видел. Голос знакомый.

— Чей?

— Моей матери.

Мать Арсеньева умерла двенадцать лет назад. Эту фразу она произнесла на похоронах его отца, когда родственники слишком долго смотрели на обожжённые руки покойного. После производственной аварии тело пришлось долго восстанавливать, и мать просила запомнить лицо.

— Вы рассказывали об этом исследователям?

— Молодому человеку рассказал.

— Когда?

— В декабре. После выписки.

Эксперимент прошёл в ноябре.

Человеческое объяснение снова было рядом. Кто-то мог опросить Арсеньева раньше под другим видом. Родственник мог рассказать. Медицинская карта могла содержать сведения о семейной травме. Слова могли быть обычными и совпасть случайно.

Я спросил, не приходили ли ему после больницы странные звонки.

— Приходили, — сказал он. — Люди соболезновали.

— Кто?

— Незнакомые. Мужчина сказал, что не смог попасть на похороны. Женщина просила простить её за старую обиду. Я сначала ругался. Потом перестал брать знакомые номера.

— Вы обращались в полицию?

— Что сказать? Люди думают, что я умер? Проверят паспорт и посмеются.

— Вам угрожали?

— Нет.

— Просили деньги?

— Нет.

— Пытались встретиться?

— Один раз.

Возле дома его ждала женщина лет сорока. Увидев Арсеньева, она расплакалась. Сказала, что была на его похоронах и теперь не понимает, кто перед ней. Арсеньев пригласил её подняться, но она ушла. Имени он не спросил.

— Это была Марина Орлова?

Я показал фотографию.

— Нет.

— Кто-то из участников?

Он просмотрел все двенадцать снимков.

— Нет.

Получалось, существовали другие люди, помнившие похороны Арсеньева. Или женщина была частью розыгрыша.

Перед уходом я спросил, слышал ли он выражение: «Евгений Николаевич умел быть рядом так, чтобы его не замечали».

Арсеньев долго молчал.

— Это про работу, — сказал он наконец. — Диспетчер всегда рядом, но его никто не видит. Когда всё работает, о нас не вспоминают.

— Кто мог так сказать?

— Любой из коллег.

— На похоронах коллеги произнесли бы именно это?

— Наверное.

Он не выглядел напуганным. Скорее, смертельно уставшим. Его больше тревожила не возможность собственной смерти, а то, что незнакомые люди почему-то пережили её раньше него.

Дальше расследование уткнулось в деньги.

«Рекурс» финансировался через консалтинговую компанию, та — через фонд, фонд получал средства от крупной юридической группы. Группа обслуживала страховые компании, банки и несколько людей, которым искренние свидетели могли понадобиться не только в научных целях. Заказчик проекта официально занимался оценкой достоверности показаний и обучением сотрудников безопасности. Всё выглядело достаточно законно, чтобы никто не хотел копать глубже, и достаточно грязно, чтобы там наверняка было что скрывать.

Через бывшего коллегу я передал информацию в управление экономической безопасности. Он выслушал, полистал копии договоров и спросил:

— Где состав преступления?

— Людей вывезли, возможно, дали препараты, внедрили ложные воспоминания.

— Экспертиза подтверждает препараты?

— Нет.

— Кто-то написал заявление?

— Пока нет.

— Деньги украли?

— Нет.

— Здоровью вред причинили?

— Не установлено.

— Тогда что я должен возбуждать? Дело о слишком убедительном тренинге?

Он не издевался. Система действительно работает так. Сначала нужен ущерб. Страх, сомнение в собственной памяти и чужие похороны в голове в таблицу ущерба не помещаются.

Елена и Сергей согласились написать заявление, но потом отказались. Сергей боялся публичности. Компания и без того отправила его в отпуск, коллеги начали смотреть странно, а дочь просила оставить всё в семье. Елена хотела только одного: чтобы муж снова начал спать и перестал рисовать план траурного зала.

Я рассказал им человеческую версию. Незаконный эксперимент. Внушение. Возможные препараты. Заранее собранные личные данные. Реальный человек использован как прототип покойного. Совпадения с реанимацией могли быть частью сценария или результатом утечки.

Сергей слушал внимательно.

— Тогда почему я помню Елену рядом?

— Потому что на похороны близкого человека вы бы пришли вместе. Мозг заполнил пустое место самым вероятным образом.

— Почему платок синий?

— Случайная деталь.

— Почему я видел лицо Арсеньева, если его фотографию мне не показывали?

— Вы не можете знать, показывали или нет. Это могло произойти во время подготовки, в рекламе, в тесте, на экране. Память не сохраняет источник каждой картинки.

— А палец?

— Тоже могли показать.

— Значит, всё объясняется.

— Почти всё.

Я не стал рассказывать про реанимацию и слова матери. Иногда работа детектива состоит не в том, чтобы выложить клиенту весь ужас, который удалось собрать, а в том, чтобы отделить полезную правду от деталей, способных добить человека без всякой пользы.

Через месяц Сергей вернулся на работу. Елена сообщила, что ему стало лучше. Похороны постепенно теряли чёткость. Сначала он перестал помнить вкус еды, потом лица, потом дорогу. Осталось ощущение потери, но и оно слабело. Остальные участники тоже разошлись. Кто-то решил судиться с медицинской компанией, кто-то предпочёл забыть, двое продолжали общаться между собой.

Дело можно было закрыть.

Но меня не отпускал тринадцатый мужчина на записи.

Слава провёл экспертизу файла. Явных следов монтажа не обнаружил. Это не означало, что запись подлинная: видео могли обработать профессионально или воспроизвести уже изменённую копию. Временные метки совпадали, структура потока не ломалась. Мужчина действительно существовал в кадре как минимум на уровне пикселей.

Мы сравнили его рост и телосложение с Арсеньевым.

Похож.

Но лицо не видно, походка слишком короткая для анализа, одежда обычная. Похожих высоких худых мужчин в городе десятки тысяч.

Я снова приехал к Аркадию Ильичу. Управляющий долго не хотел открывать, потом впустил в кабинет и сразу сказал:

— Больше записи нет.

— Кто дал вам этот фрагмент?

— Охранник скопировал.

— Где он?

— Уволился.

— Имя?

Аркадий Ильич назвал фамилию. Мы нашли охранника в соседней области. Он работал вахтой на складе и по телефону утверждал, что ничего не копировал. Более того, в ночь эксперимента находился в отпуске. Смену за него закрывал другой человек.

— Кто?

— Не знаю. Начальство прислало замену.

В таблице стояла подпись охранника. Настоящая или поддельная — непонятно. Камера на проходной хранила записи только месяц. Фамилии сменщика никто не помнил. Аркадий Ильич описывал высокого мужчину лет пятидесяти в тёмной форме. Разговаривал мало, документы показывал издали.

— У него с пальцем всё было нормально? — спросил я.

Аркадий Ильич посмотрел на меня.

— Не помню.

— Шрам возле уха?

— Не разглядывал.

Версия с организаторами оставалась наиболее вероятной. Они прислали своего охранника, контролировали камеры, затем подбросили изменённую запись. Возможно, хотели запугать Лебедеву или проверить, как слухи распространяются уже после эксперимента. Возможно, весь последующий поиск Арсеньева являлся продолжением проекта. Мы с клиентами тоже стали участниками, только не подписывали согласий.

Я позвонил Лебедевой и спросил прямо.

— Вполне возможно, — ответила она. — Исследование памяти невозможно закончить в момент, когда человек покинул лабораторию. Последующие рассказы, поиски и объяснения переписывают событие сильнее первоначального внушения.

— Вы хотите сказать, что заказчик мог заранее рассчитывать на расследование?

— Не именно на вас. На любого, кто начнёт проверять.

— Тогда зачем оставлять следы?

— Чтобы вы их находили.

— Арсеньев тоже часть постановки?

— Не знаю.

— Его инфаркт?

— Настоящий.

— Реанимация в 19:12?

— Настоящая запись.

— Фраза его матери?

— Я не знаю, откуда она взялась.

Лебедева помолчала, затем добавила:

— Есть вещь, которую я вам не сказала. После эксперимента мы изучили аудио из зала. На дорожке присутствовал низкочастотный шум. Очень слабый, почти на границе записи. Мы решили, что это вентиляция. Когда шум очистили и ускорили, получилось нечто похожее на речь.

— Что именно?

— Фраза: «Спасибо, что пришли».

— Мужской голос?

— Да.

— Арсеньева?

— Эксперт не смог установить. У нас не было образца.

Я вспомнил старый радиоприёмник на кухне Арсеньева и его тихий сиплый голос.

— У меня есть образец.

Она отказалась присылать файл. Через неделю я получил конверт без обратного адреса. Внутри лежала флешка. На ней — двадцатисекундная аудиозапись.

Сначала слышался только гул вентиляции, звон посуды и далёкие голоса. Потом шум менялся. Если знать, что искать, действительно можно было разобрать слова:

«Спасибо, что пришли».

Я отправил запись знакомому эксперту вместе с фрагментом разговора Арсеньева, который записал во время визита. Неофициально, без заключения. Через несколько дней тот ответил:

— Голоса похожи, но качество исходника говно. Можно подогнать что угодно. Для суда — ноль.

— Для тебя?

— Для меня совпадает тембр и несколько речевых признаков. Но это может быть имитация, обработка или просто другой человек. Не строй церковь на спектрограмме.

Хороший совет.

Я не стал рассказывать Арсеньеву. Не видел смысла.

Прошло около года. Сергей Крылов жил нормально. Елена поздравила нас с Новым годом, потом связь прекратилась. «Рекурс» ликвидировали. Лебедева уволилась из центра и уехала преподавать. Заказчик проекта продолжил работать под другим названием. Арсеньев восстановился после болезни и вернулся в диспетчерскую на сокращённый график.

Однажды мы случайно встретились возле рынка.

Он шёл мне навстречу с пакетом продуктов. Заметил меня, остановился. Выглядел лучше: лицо порозовело, трость больше не носил.

— Звонки прекратились? — спросил я.

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Иногда люди ещё ошибаются.

— Соболезнуют?

— Нет. Спрашивают дату.

— Какую?

Он посмотрел на поток машин.

— Когда снова собираться.

Я спросил, что он отвечает.

— Что ничего не организую.

— Они называют себя?

— Нет.

— Вы записывали номера?

— Несуществующие или одноразовые. Я уже проверял.

— Полиция?

— Не хочу.

Мы постояли молча. Потом Арсеньев сказал:

— Я вспомнил ещё одного человека из палаты.

— Из участников эксперимента?

— Нет. Того, который стоял ближе всех. Спинай ко мне. Я думал, врач. Потом понял, что у него моя рука.

— Что значит «ваша рука»?

Арсеньев поднял левую ладонь. Повреждённый мизинец.

— У него не хватало той же фаланги.

— Вы видели лицо?

— Нет.

— Почему раньше не рассказали?

— Потому что тогда не помнил.

Память не видеозапись. Она меняется каждый раз, когда человек к ней возвращается. После всех разговоров, фотографий и вопросов Арсеньев мог достроить фигуру из собственных страхов. Я сказал ему именно это.

Он кивнул.

— Конечно. Наверное, так и есть.

Мы попрощались. Он пошёл через дорогу, я — к машине. Ничего больше не произошло.

Арсеньев не умер загадочным образом. Не исчез. За мной никто не следил. В почтовом ящике не появлялись приглашения на мои похороны. Иногда история заканчивается не ударом, а медленным растворением в обычной жизни.

Только дело до сих пор лежит у меня в архиве.

Папка толстая: договоры, схемы, медицинские выписки, показания двенадцати человек, фотографии зала, переписка «Рекурса», копия видео, аудиофайл. В ней достаточно материала, чтобы объяснить почти всё.

Людей отобрали заранее.

Их изучили.

Подготовили опорные сигналы.

Собрали в помещении.

Возможно, дали препараты.

Показали пустой гроб.

Внушили имя.

Память самостоятельно создала лица, связи, разговоры и чувство утраты.

Заказчик использовал реального человека как прототип и скрыл это от исследователей.

Совпадение времени с остановкой сердца могло быть намеренным.

Тринадцатого мужчину могли добавить на запись.

Голос — сгенерировать или смонтировать.

Каждый отдельный элемент имеет человеческое объяснение. Не всегда хорошее, не всегда доказанное, но возможное.

Проблема только в порядке.

Чтобы устроить такую постановку, заказчик должен был заранее знать, что у Арсеньева в 19:12 остановится сердце.

Можно предположить доступ к больничной информации в реальном времени. Но сценарий, имя и детали внешности подготовили раньше.

Можно предположить, что сердечный приступ организовали. Однако следов отравления не нашли, а состояние Арсеньева ухудшалось несколько дней естественным образом.

Можно предположить, что время в медицинской карте изменили задним числом. Тогда нужно объяснить показания врачей и автоматический журнал оборудования.

Можно предположить, что Лебедева врала мне обо всём, включая независимое происхождение личности покойного. Это самый удобный вариант. Но я видел её реакцию на тринадцатого мужчину. Конечно, опытный психолог способен сыграть испуг.

Возможно всё.

Именно поэтому дело пугает меня сильнее историй, где по коридору ходит мёртвая девочка. Мёртвая девочка хотя бы сразу нарушает устройство мира. Здесь мир продолжал работать как положено. Договоры подписывались. Автобус ехал. Камеры записывали. Психологи проводили исследование. Люди сидели за столом, ели холодный борщ и вспоминали человека, которого никогда не знали.

А в это время живой Евгений Николаевич лежал в реанимации.

В 19:12 его сердце остановилось.

В другом конце города двенадцать незнакомцев одновременно повернулись к закрытому пустому гробу.

Они подошли по очереди и увидели его лицо.

Потом вернулись домой, каждый со своей версией общей жизни, в которой этот человек когда-то был рядом и помог им так незаметно, что никто не сохранил настоящего воспоминания.

Возможно, им действительно внедрили ложную память.

Тогда остаётся последний вопрос.

Кто внедрил такую же память самому Евгению Николаевичу?

Потому что на прощании он не присутствовал.

Но, когда я спросил его о двенадцати людях, четверых он узнал раньше, чем увидел их фотографии.

Дело 2. Между людьми

После истории с ложными похоронами я некоторое время считал, что хуже уже не будет. Не потому, что поверил в загробную жизнь, коллективное ясновидение или способность человеческой памяти ловить чужую смерть на расстоянии. Как раз наоборот. В том деле оставалось достаточно человеческих рук, денег, препаратов, договоров и хорошо обученных специалистов, чтобы при большом желании всё объяснить. Объяснение выходило сложным, дорогим и местами совсем ебанутым, но не невозможным. Кто-то построил эксперимент, кто-то использовал реального человека как основу, кто-то подделал запись, кто-то соврал. Люди способны на вещи гораздо страшнее мистики, особенно если им выделили бюджет и подписали договор о неразглашении.

Следующее дело было проще.

Женщина пропала на железнодорожном вокзале.

Вокруг неё находились триста человек, работали камеры, дежурила полиция, стояли турникеты, кассы, магазины, автоматы, охранники и таксисты. Она не заходила в служебные помещения, не садилась в поезд, не выходила на улицу и не встречалась ни с кем знакомым. На записи было видно, как она стоит посреди главного зала.

Потом вокруг неё прошли люди.

Когда люди прошли, женщины там уже не было.

Клиентку звали Ирина Павловна Морозова. Пятьдесят восемь лет, преподаватель русского языка в гимназии. Она пришла к нам в конце января, принесла папку с копиями материалов проверки и сразу предупредила:

— Следователь считает, что дочь уехала добровольно.

Я спросил, почему она думает иначе.

— Потому что Аня не умеет уезжать добровольно, не предупредив, что я неправильно храню лекарства и забываю выключать газ.

Ирина Павловна сказала это без улыбки. За фразой чувствовались недели, в течение которых человек повторял одно и то же полицейским, волонтерам, родственникам, журналистам и самому себе, постепенно превращая живую дочь в набор примет, привычек и последних известных действий.

Анне Морозовой был тридцать один год. Работала специалистом по планированию на фармацевтическом предприятии. Не замужем, жила отдельно, отношения с матерью нормальные. Долгов не было. Судимостей, зависимостей, психиатрического учёта — тоже. В понедельник, девятого декабря, она должна была ехать в соседний областной центр на двухдневное обучение. Билет куплен заранее, гостиница оплачена компанией. В 17:48 Анна вошла в здание Северного вокзала. В 18:06 прошла досмотр. В 18:12 купила воду. В 18:19 написала коллеге, что поезд задерживается. В 18:23 попала в кадр камеры главного зала.

Больше подтверждённых действий не было.

Поезд ушёл в 19:05. Билет Анны не использовали. Телефон в 18:28 перестал отвечать и больше в сеть не выходил. Банковские карты молчали. Камеры на входах, платформах и прилегающих улицах её не зафиксировали. Сумку, пальто и документы не нашли. Ни одного достоверного свидетеля, видевшего, как она покидает вокзал, тоже не было.

Полиция проверила обычные версии. Добровольный уход, нападение, знакомство в интернете, долги, конфликт на работе, тайная беременность, любовник, религиозная группа. Ничего. Опросили сотрудников, пассажиров, таксистов. Просмотрели видео. На одной из записей Анна исчезала за потоком людей, направлявшихся к табло. Решили, что она вышла из кадра вместе с ними, а дальше камеры её потеряли из-за плотной толпы и мёртвых зон.

Такое происходит постоянно. Камер много, но абсолютного контроля они не дают. Человек поворачивает голову, надевает капюшон, меняет уровень — садится, наклоняется, идёт рядом с кем-то выше — и автоматическое распознавание перестаёт его видеть. Добавь плохой свет, одинаковые зимние куртки, рекламу, колонны, перекрытия, и вот у тебя уже не система наблюдения, а дорогая коллекция размытых затылков.

Ирина Павловна не спорила с тем, что дочь могла затеряться на камерах. Она спорила с тем, что Анна могла просто уйти.

— В сумке были рабочие документы и лекарства, — сказала она. — Аня принимала препарат от щитовидной железы. Не смертельно пропустить день, но она никогда не забывала. За цветами попросила меня присмотреть. Перед вокзалом отправила фотографию очереди на досмотр и написала, что ненавидит командировки. Через девять минут она якобы решила исчезнуть навсегда?

— Люди иногда принимают решения внезапно.

— Она не люди. Она моя дочь.

Эту фразу я слышал сотни раз в разных вариантах. Мой муж не мог. Мой сын не употреблял. Моя жена не ушла бы. Моя дочь не села бы в чужую машину. Родственники часто уверены, что знают человека полностью, хотя большая часть любой жизни проходит без свидетелей. Но материнская уверенность иногда полезнее полицейской статистики. Не потому, что мать чувствует мистическую связь, а потому что замечает мелочи, которые для чужих ничего не значат.

Я взял дело.

Северный вокзал построили в конце семидесятых, затем несколько раз расширяли, пристраивали торговые галереи, новый досмотровый блок и стеклянный переход к автостанции. Архитектура получилась как история государства: старый бетонный скелет, облепленный пластиком, рекламой и современными системами безопасности. Главный зал был огромный, с высоким потолком, рядами металлических кресел, электронным табло и четырьмя потоками людей, которые постоянно пересекались. Одни шли к платформам, другие возвращались, третьи стояли в очереди, четвёртые внезапно вспоминали, что касса находится с противоположной стороны, и начинали ломиться поперёк всех.

Я заранее договорился с начальником вокзальной безопасности. Звали его Павел Михайлович, бывший транспортный милиционер, человек лет пятидесяти, широкий, коротко стриженный и навсегда раздражённый тем, что пассажиры не способны читать таблички. Он решил посмотреть исходные записи, хотя относился к частным сыщикам без особой любви.

— Всё уже смотрели, — сказал он. — Наши смотрели, линейный отдел смотрел, областные смотрели. Женщина ушла в толпе.

— Куда?

— Если бы знали, нашли бы.

Мы сели в комнате наблюдения. На стене висели мониторы с живыми изображениями входов, платформ, залов и переходов. Оператор открыл архив за девятое декабря. Камера № 17 смотрела сверху на центральную часть зала. Изображение было хорошее, цветное, достаточно чёткое.

Анну я узнал сразу. Средний рост, светло-коричневое пальто, тёмная сумка через плечо, волосы собраны. Она стояла возле колонны и смотрела на табло. Вокруг двигались люди. Ничего подозрительного.

В 18:23:47 Анна достала телефон.

В 18:24:03 убрала его в сумку.

В 18:24:18 повернулась к проходу между креслами, вероятно, потому что там кто-то задел её плечом.

В 18:24:27 перед ней прошёл мужчина с чемоданом. Затем женщина с ребёнком. Потом ещё трое пассажиров.

В 18:24:31 Анну закрыла группа людей.

В 18:24:36 группа разошлась.

Анны не было.

Пять секунд.

Человек может пройти несколько метров за пять секунд. Если Анна двинулась вместе с потоком, её следовало искать на соседних камерах. Полиция именно так и сделала. Но я сначала прокрутил момент назад.

Потом ещё раз.

И ещё.

Павел Михайлович начал терять терпение.

— Вы надеетесь, что она внезапно материализуется?

— Кто именно закрыл её от камеры?

— Люди.

— Какие?

— Вы серьёзно?

— Вполне.

Я попросил поставить скорость четверть от обычной.

Анну закрывали не пять человек, как казалось сначала. Их было около пятнадцати. Они подходили с разных направлений, двигались с разной скоростью и, судя по всему, не были знакомы. Мужчина с чемоданом шёл к платформам. Женщина с ребёнком — к выходу. Двое молодых парней пересекали зал по диагонали. Пожилая пара остановилась посмотреть на табло. Курьер с большой сумкой обошёл кресла. Никто не окружал Анну намеренно. Никто не хватал её и не заслонял от камеры специально.

Тем не менее на несколько секунд их тела сложились в сплошную стену.

— Плотный поток, — сказал Павел Михайлович. — Такое здесь каждые десять минут.

— После того как они расходятся, где должен находиться человек?

— Зависит от того, куда пошёл.

— Анна не начинала идти.

— Значит, начала, когда её закрыли.

Я переключился на соседнюю камеру. Она смотрела с другой стороны. В момент исчезновения Анна была видна чуть дольше. Люди закрыли её на три секунды. Затем на месте, где она стояла, оказался мужчина в серой куртке. Он не имел к ней отношения. Просто прошёл поперёк.

Я просмотрел третью камеру.

Там Анна исчезала не за группой, а за одним высоким пассажиром. Это уже казалось понятнее. Мужчина прошёл между ней и объективом, закрыв почти полностью. Только когда он отошёл, Анны тоже не было.

— Вот, — сказал Павел Михайлович. — Пошла за ним.

— Нет.

— Почему?

— Потому что на камере № 17 этот мужчина находится левее неё.

Мы синхронизировали записи.

На первой камере высокий мужчина действительно шёл слева от Анны и не мог её закрывать. На второй он находился между Анной и объективом. Геометрически всё правильно: разные точки съёмки, разные линии обзора. Проблема была в другом. С каждого ракурса Анну закрывал свой человек. Не один преступник использовал толпу как прикрытие. Толпа сама каждый раз находила нужное тело, чтобы перекрыть Анну конкретной камере.

Я позвонил Славе и попросил приехать.

Он появился через час с ноутбуком, двумя внешними дисками и лицом человека, которого отвлекли от нормального технического преступления ради поисков мистики в плохом видеопотоке. Мы забрали разрешённые копии, выгрузили ещё семь камер и вернулись в офис.

Три дня Слава строил схему движения.

Он размечал каждого человека, который проходил возле Анны: направление, скорость, рост, время появления, точку выхода. На экране постепенно возникла паутина разноцветных линий. Большинство пересекалось хаотично. Но примерно за двадцать секунд до исчезновения несколько траекторий начали изгибаться вокруг одной точки.

Не резко. Люди не меняли маршрут на девяносто градусов и не шли строем. Они делали естественные мелкие движения. Мужчина с чемоданом смещался, чтобы не столкнуться с ребёнком. Курьер обходил пожилую пару. Девушка в белой шапке замедлялась, потому что смотрела в телефон. Пассажир с рюкзаком пропускал женщину. У каждого была причина.

В результате вокруг Анны возникла движущаяся полоса плотного потока.

— Это называется самоорганизация толпы, — сказал Слава. — Люди формируют полосы движения, обходят препятствия, подстраиваются. Ничего сверхъестественного.

— Анна была препятствием?

— Возможно.

— Тогда почему полоса не обошла её?

Слава увеличил модель.

Линии не огибали Анну. Они огибали участок рядом с ней. Небольшую овальную область примерно полметра шириной. Пустое место двигалось через зал против основного потока. Люди заранее уступали ему, хотя в кадре там никого не было.

В 18:24:25 эта область подошла к Анне.

В 18:24:31 Анна оказалась внутри неё.

В 18:24:36 область продолжила движение.

Анны больше не было видно.

Слава откинулся на спинку стула.

— Ошибка разметки.

— Исправляй.

— Я исправлял.

— Значит, перспективное искажение.

— Возможно.

— Или там был человек, которого камеры не увидели.

— Семь камер одновременно?

— Ты сам предложи нормальный вариант.

Он посмотрел на экран.

— Нормальный вариант: мы строим сложную теорию из пяти секунд плохого видео.

Это был хороший вариант. Его я и записал первым.

Мы начали с людей, оказавшихся рядом. Полиция установила часть из них по билетам, банковским операциям и камерам. Остальных нашли мы. Никто не был связан с Анной.

Мужчина с чемоданом оказался инженером из Курска, ехал к матери. Женщина с ребёнком жила в нашем городе. Курьер доставлял документы в кассу. Пожилая пара провожала родственницу. Высокий мужчина, который закрыл Анну на одной из камер, работал преподавателем физкультуры. Все согласились поговорить, хотя не понимали, зачем их снова дёргают.

Большинство Анну не помнили. На вокзале люди вообще плохо запоминают друг друга. Лиц много, одежда одинаковая, внимание занято собственными проблемами.

Только у троих сохранились странные мелочи.

Женщина с ребёнком сказала, что в какой-то момент сын резко прижался к ней и попросил взять его на руки. Мальчику было уже семь, и обычно он такого не делал.

- Испугался кого-то? — спросил я.
- Сказал, что между людьми тесно.
- На вокзале действительно было тесно.
- Он не толпу имел в виду.
- А что?

Женщина неуверенно посмотрела на сына. Мальчик сидел в соседней комнате и играл.

- Он сказал: «Там человек с внутренней стороны».

Я не стал расспрашивать ребёнка. Дети легко присоединяют к чужому вопросу собственную фантазию, а взрослые потом превращают её в показание. Записал фразу и перешёл к следующему свидетелю.

Преподаватель физкультуры помнил, что возле Анны его неожиданно повело в сторону, будто кто-то надавил плечом.

- Столкнулись с пассажиром?
- Никого рядом не было.
- На записи рядом человек пять.
- Я не падал. Просто шагнул влево. Знаете, как обходишь человека, которого заметил боковым зрением. Только я потом понял, что обходить было некого.
- Почему поняли?
- Потому что всё равно задел что-то рукавом.
- Что?
- Ткань. Мокрую или холодную. Думал, чьё-то пальто. Обернулся — люди идут, никто не реагирует.

Третьей была девушка в белой шапке. Она рассказала, что на несколько секунд перестала слышать вокзал.

- Совсем?
- Не то чтобы тишина. Как когда уши закладывает в самолёте. Всё далеко. Потом кто-то очень близко дышал.
- Мужчина, женщина?
- Не знаю. Медленно. Один вдох за всё время.
- Вы повернулись?
- Хотела. Не смогла понять куда.
- Она засмеялась, пытаясь показать, что сама считает воспоминание глупым.
- Там люди со всех сторон. Кто угодно мог дышать.

Каждую деталь можно было объяснить. Ребёнок испугался толпы. Мужчину задела. У девушки изменилось давление или случился краткий приступ тревоги. Эти свидетельства ничего не доказывали.

Только они все относились к одним и тем же пяти секундам.

Мы изучили маршрут остальных участников потока. Никто не действовал как сообщник. Люди разошлись по платформам, вышли в город, сели в поезда. У большинства была подтверждённая биография и понятная причина находиться на вокзале. Чтобы организовать похищение с их участием, пришлось бы завербовать пятнадцать случайных граждан, ребёнка, пенсионеров и курьера, после чего позволить им спокойно разъехаться.

Оставался вариант, что рядом с Анной находился один человек, умело скрытый толпой. Но он должен был одновременно закрываться от семи камер разными пассажирами и увести взрослую женщину без борьбы, крика и заметного движения.

Я вернулся на вокзал в то же время суток. Стоял возле колонны, где исчезла Анна, и смотрел на потоки. Слава наблюдал по камерам. Мы повторяли это три вечера. Никаких пустых движущихся областей не появлялось. Люди толкались, обходили друг друга, ругались,

волокли чемоданы. Обычная человеческая масса, которой для хаоса не требуется потусторонняя помощь.

На четвёртый вечер я заметил женщину, стоявшую у кресел и наблюдавшую не за табло, а за окружающими.

Ей было около шестидесяти. Тёмное пальто, вязаная шапка, хозяйственная сумка. Она смотрела на людей с тем же вниманием, с каким я смотрел на неё. Когда наши взгляды встретились, женщина сразу отвернулась и пошла к выходу.

Я догнал её в переходе.

— Подождите.

Она ускорила шаг.

— Я частный детектив. Ищу Анну Морозову.

Женщина остановилась так резко, что я едва не врезался.

— Вы её родственник?

— Нет.

— Тогда не ищите здесь.

— Почему?

Она посмотрела назад, на поток людей, выходивший из главного зала.

— Потому что здесь ищут не тех, кто ушёл. Здесь ищут место, куда они ушли. А это не одно и то же.

Её звали Нина Аркадьевна Голубева. В 2013 году на Северном вокзале пропал её муж. Пятьдесят четыре года, электромеханик, ехал в командировку. Его исчезновение почти полностью повторяло случай Анны. Мужчина попал в плотный пассажирский поток и больше не появился ни на одной камере. Тогда качество записей было хуже, а камер меньше. Полиция решила, что он покинул вокзал через служебный проход или уехал с неизвестным человеком. Тело не нашли.

Нина Аркадьевна несколько лет приходила на вокзал и наблюдала.

— Сначала думала, что он вернётся, — рассказывала она в нашем офисе. — Потом стала смотреть записи. Упросила знакомого охранника. Люди вокруг него двигались странно. Не дружно. Наоборот, каждый сам по себе. Но получалось, будто закрывали его.

— Вы видели такое ещё раз?

— Дважды.

Первый раз — летом 2016 года, когда из-за отмены электрички в зале собралась большая толпа. Нина Аркадьевна заметила участок, вокруг которого люди расходились, хотя в центре никого не было. Пустое место двигалось к выходу. За ним шёл мужчина с красным рюкзаком. В определённый момент несколько пассажиров закрыли его. После этого мужчина исчез. Нина Аркадьевна сообщила полиции, но никакой пропажи в тот день не зарегистрировали. Возможно, человек просто вышел другим путём.

Второй случай произошёл в 2021 году. Женщина с букетом шла к платформе. Толпа вокруг неё на несколько секунд стала плотнее. Когда пассажиры разошлись, букет лежал на полу. Женщины не было. Через сутки её объявили пропавшей.

— Как она выглядела? — спросил я.

— Не женщина. То место.

— Пустое место никак не выглядит.

Нина Аркадьевна потерла ладони.

— У него есть направление.

— У любого движения есть направление.

— Оно не идёт вместе с людьми. Люди идут вокруг него. Один человек уходит, другой занимает его место, третий поворачивает. Толпа меняется, а пустота продолжает двигаться, будто у неё есть тело.

Я спросил, почему она не рассказала об этом полиции.

— Рассказывала. Мне предлагали психиатра.

— Вы сами не допускаете, что после исчезновения мужа начали видеть закономерность?

— Допускаю. Поэтому прихожу и смотрю. Хочу однажды убедиться, что это просто голова.

— Получилось?

— Нет.

Нина Аркадьевна принесла старую флешку. На ней хранилась запись 2021 года, снятая с монитора охраны на телефон. Качество было отвратительное, изображение мерцало, часть экрана закрывалась отражением. Женщину с букетом всё же можно было различить. Она стояла в очереди на посадку. Затем очередь начала перестраиваться. Люди сдвигались, пропускали пассажиров, поднимали сумки. Женщина исчезла за спинами.

Когда поток продолжил движение, на полу остался букет.

Я не увидел ничего, кроме обычной давки.

Слава увидел.

— Смотри на пакет мужика справа.

Пассажир держал большой пластиковый пакет. В момент исчезновения женщины пакет прижался к чему-то невидимому, изменив форму. Не к соседнему человеку: между ними оставалось пространство. На следующей секунде пакет снова расправился.

— Воздушный поток, — сказал я.

— В зале?

— Человек за кадром.

— Может быть.

Мы прогнали запись через стабилизацию и вручную отметили траектории. Снова возникла пустая область. Она двигалась около девяти метров, пока не вошла в плотную группу. Женщина с букетом оказалась внутри, после чего область продолжила путь к платформе. На следующей камере её не было.

Слава перестал называть всё ошибкой разметки.

Он нашёл ещё четыре похожих исчезновения. Не только на вокзале. В 2018 году женщина пропала во время эвакуации торгового центра. В 2015-м студент исчез на городском празднике. В 2009-м сотрудник завода не вернулся после массового выхода смены через проходную. В 1997 году продавщица потерялась на вещевом рынке среди покупателей. Все дела оставались нераскрытыми. В нескольких случаях были подозреваемые, семейные конфликты или версии добровольного ухода, но ни одну не подтвердили окончательно.

Объединяла их не география.

Объединяла толпа.

Не обязательно огромная. Иногда достаточно тридцати или сорока человек, если они движутся через узкое место. Турникеты, переход, ворота, эскалатор, очередь. Люди должны быть близко друг к другу и хотя бы несколько секунд идти в общем направлении.

Мы запросили записи, фотографии и материалы проверок. Большую часть не получили, но родственники пропавших охотно делились всем, что у них осталось. На старых кадрах нельзя было увидеть пустое место. Зато можно было видеть, как люди вокруг исчезнувшего совершают небольшие, необъяснимо согласованные движения.

Один поднимает сумку.

Второй поворачивается боком.

Третий задерживается на полшага.

Четвёртый меняет направление.

Пятый останавливается завязать шнурок.

Каждое движение естественно. Вместе они создают плотную оболочку, которая на несколько секунд скрывает центр от всех внешних наблюдателей.

Затем оболочка распадается.

Одного человека не хватает.

— Может, это техника похищения, — сказал я. — Группа создаёт прикрытие. Жертву быстро переодевают, наклоняют, передают сообщникам.

— Случайные люди?

— Кто сказал, что случайные?

Слава проверил доступные биографии. Связей не было. Более того, одни и те же люди почти никогда не участвовали дважды. Если существовала организация, она каждый раз набирала новых исполнителей: пенсионеров, школьников, рабочих, молодых матерей. Исполнители после события не получали денег, не встречались и не скрывались.

Мы разыскивали участников других исчезновений.

И снова получили мелкие, ничего не доказывающие воспоминания.

Один мужчина сказал, что на секунду почувствовал запах мокрой шерсти.

Девушка вспомнила, как кто-то держал её за локоть изнутри толпы, хотя рядом шла подруга.

Пенсионерка слышала, как за спиной человек несколько раз шепнул: «Плотнее, плотнее», но решила, что это охранник регулирует движение.

Рабочий с заводской проходной рассказывал, что несколько секунд шёл, не касаясь пола.

— В смысле? — переспросил я.

— Толпа сжала. Так бывает. Ноги переставляешь, а вес держат соседи.

— Кого-нибудь видели рядом с пропавшим?

— Там все рядом.

— Что-то необычное?

Он долго думал.

— Спины.

— Что спины?

— Все почему-то стояли к нему спинами. Как вокруг костра, только наоборот.

Эта фраза изменила направление расследования.

До этого мы смотрели, как люди закрывают исчезнувшего от камер. Теперь начали смотреть, куда они повернуты.

На всех пригодных записях происходило одно и то же. В момент исчезновения ближайšie люди оказывались обращены спинами к центру. Не лицом, не боком. Именно спиной. Даже если направление движения требовало другого положения, человек слегка разворачивался, поправлял сумку, пропускал кого-то — и в итоге его спина становилась частью оболочки.

Никто не смотрел внутрь.

Даже пропавший.

Анна на последнем чётком кадре тоже смотрела наружу, на табло. За её спиной находилась пустая область.

На следующем кадре она уже стояла боком.

Потом её лицо исчезло.

Я показал материалы специалисту по динамике толпы. Профессор Каминский работал в техническом университете, рассчитывал эвакуационные маршруты, моделировал поведение людей на стадионах и транспортных объектах. Он был человеком спокойным и скучным, что в данном случае я считал преимуществом.

Каминский просмотрел модели, выслушал нас и сказал:

— Вы переоцениваете индивидуальность движения.

— То есть?

— Человек в плотной среде принимает решения не сам. Не полностью. Он реагирует на давление, свободное пространство, направление соседей. Возникают волны, полосы, воронки, арки возле выходов. Никто не договаривается, но структура появляется.

— Может появиться структура, закрывающая человека от всех камер?

— Разумеется.

— И человек исчезнет?

— Нет. Вот это уже не ко мне.

Он открыл нашу модель и увеличил пустую область.

— Такой эффект называют исключённым объёмом. Толпа обходит препятствие.

— Препятствия на видео нет.

— Возможно, вы неверно определили границы тел. Одежда, перспектива, багаж.

— Область движется.

— Препятствие тоже может двигаться.

— Невидимое?

Каминский посмотрел на меня без раздражения, скорее с жалостью.

— Видимость объекта и его физическое существование — разные задачи. Вы хотите от меня подтверждения мистики. Я могу подтвердить только то, что люди в ваших записях действительно ведут себя так, будто внутри группы находится дополнительное тело.

— Какого размера?

Он провёл расчёт.

Высота по модели не определялась. Ширина менялась от тридцати до шестидесяти сантиметров. Длина — около метра. Не постоянная форма человека, а вытянутый объём, иногда сужающийся почти до линии.

— Это может быть человек, идущий боком, — сказал Каминский.

— На семи камерах его нет.

— Камеры не являются глазами Бога.

— А что ещё?

— Ошибка данных. Сложное взаимодействие одежды. Намеренная фальсификация. Не знаю. Но одна вещь действительно необычна.

— Какая?

Каминский вывел график плотности.

— Люди начинают перестраиваться раньше, чем приближаются к области. В среднем за полторы секунды до возможного физического контакта. Обычно этого недостаточно, если объект не виден.

— Они его видят?

— Или предсказывают движение друг друга настолько хорошо, что создают иллюзию невидимого объекта.

Он явно предпочитал второе объяснение.

Я тоже.

Следующие две недели ничего не происходило. Мы продолжали проверять биографии, маршруты, доступ к камерам. Клиентке сообщали только то, что расследование продолжается. Рассказывать матери, что её дочь могла быть поглощена самоорганизованной структурой толпы, было бы не расследованием, а издевательством.

Потом Слава нашёл Анну.

Не человека целиком.

Лицо.

В интернете сохранилась любительская видеозапись, сделанная в день исчезновения на другом конце города. Мужчина снимал открытие новогодней ярмарки. Много людей, музыка,

огни, дети, палатки. Время публикации — 20:14. По метаданным съёмка началась около 19:36, через час с небольшим после вокзала.

На двадцать второй секунде между двумя прохожими появлялось женское лицо.

Всего на три кадра.

Светло-коричневые волосы, знакомая форма бровей, небольшая родинка возле носа. Качество не позволяло утверждать наверняка, но система сравнения дала высокую вероятность совпадения с Анной Морозовой.

Она находилась в толпе на ярмарке, примерно в пяти километрах от вокзала.

Проблема заключалась в положении головы.

Люди перед камерой шли слева направо. Лицо Анны было обращено прямо к объективу, но её тело за прохожими не просматривалось. По высоте она должна была либо идти на коленях, либо находиться дальше, чем позволяла перспектива.

На следующем кадре лицо появилось между другими людьми, уже на метр правее.

На третьем — ещё дальше.

Не было видно, как она идёт. Только лицо перемещалось через промежутки в толпе.

— Монтаж? — спросил я.

— Обычное видео с телефона. Автор не связан с ней. Файл старый, выложен в тот же вечер.

— Похожая женщина.

— Возможно.

Мы показали кадры Ирине Павловне.

Она посмотрела один раз.

— Это Аня.

— Качество низкое.

— Это моя дочь.

— Нужно быть осторожными.

— У неё здесь испуганное лицо.

Я не видел испуга. На трёх размытых кадрах вообще трудно читать выражение. Но мать различала то, чего не замечали программы.

— Она всегда так делает губами, когда хочет что-то сказать и не может подобрать слово, — сказала Ирина Павловна. — Посмотрите. Рот чуть открыт. Она пытается говорить.

Запись ярмарки стала первой зацепкой, показывающей, что Анна могла оставаться живой после исчезновения. Мы запросили городские камеры по маршруту между вокзалом и площадью. Срок хранения части архивов уже истёк. Получили только обрывки.

На одном перекрёстке в 18:41 прошла плотная группа пассажиров. Внутри неё двигалась знакомая пустая область.

В подземном переходе область уже окружали другие люди. Те, кто вышел с вокзала, частично разошлись, но их места заняли новые прохожие.

Возле торгового центра структура распалась на несколько секунд. Анны не было видно.

Затем люди снова сблизились, и область продолжила движение.

Толпа менялась.

Пустое место оставалось.

Оно перемещалось через город, используя людей как непрерывную оболочку. Один человек отходил, другой случайно вставал на его место. Никто не сопровождал область дольше нескольких минут. Никто не понимал, частью чего является.

Анна находилась внутри.

Или нам так казалось.

Маршрут закончился на ярмарке. Дальше плотность людей была слишком высокой, камеры давали перекрывающиеся изображения, а лица тонули в зимней одежде. Область могла уйти куда угодно.

— Что ей делали внутри? — спросила Ирина Павловна.

Я не ответил.

Этот вопрос предполагал, что «внутри» существует как место.

Мы впервые допустили это всерьёз.

Не человек, которого скрывает толпа. Не гипноз, не организованная группа, не дефект камеры. Пространство между людьми могло иметь внутренний объём, не совпадающий с тем, что видно снаружи. Звучит как дешёвая фантастика. Я прекрасно понимаю. Но Анна двигалась внутри структуры по городу, не касаясь обычных маршрутов, а её лицо появлялось в промежутках на разной глубине.

В человеческом теле тоже есть пространства, которых не видно снаружи. Полости, сосуды, кишечник, лёгкие. Если смотреть только на кожу, ты не поймёшь, сколько всего находится внутри.

Что, если толпа на несколько секунд тоже становится телом?

Не метафорически.

Буквально.

Люди образуют внешнюю поверхность. Их спины обращены внутрь или наружу — смотря как считать. Давление, движение и близость создают временную полость. Пока участники сменяют друг друга, полость может существовать дольше самой толпы, как водоворот существует, хотя вода в нём постоянно новая.

Водоворот ничего не хочет.

Он просто затягивает то, что оказывается рядом.

Это объяснение пугало меня сильнее версии о разумном существе. С монстром можно хотя бы предположить цель. Здесь цель не требовалась. Люди исчезали так же, как щепка уходит под воду в воронке.

Но у воронки нет внутренней стороны, где лицо пропавшей женщины смотрит в камеру через плечи прохожих.

В феврале исчез ещё один человек.

На этот раз в торговом центре «Континент». Мужчина сорока трёх лет, инженер связи, приехал купить подарок сыну. В 19:17 сработала пожарная сигнализация. Причиной оказался дым от неисправной печи в кафе. Посетителей начали выводить через центральный атриум. Настоящего пожара не было, паники тоже. Люди спокойно двигались к выходам.

Инженер попал на камеры третьего этажа.

На эскалаторе его окружили пассажиры.

На первом этаже он уже не появился.

Служба безопасности связалась с полицией. Через старого знакомого информация дошла до нас в тот же вечер.

Мы приехали через сорок минут.

Торговый центр ещё работал в ограниченном режиме. Часть посетителей вернулась, кафе закрыли, охрана просматривала записи. Пропавшего звали Денис Волков. Его жена стояла в служебном помещении и каждые пять минут звонила на выключенный телефон.

Мы со Славой смотрели камеры.

В 19:18 Денис подходил к эскалатору. В руках пакет и телефон. Поток уплотнялся.

В 19:18:24 возле него возникла пустая область.

— Вот она, — сказал Слава.

Не «похоже». Не «возможно».

Вот она.

Мы уже знали, куда смотреть. Люди заранее отворачивались от центра. Женщина поднимала ребёнка. Мужчина смецал пакет. Охранник поворачивался спиной. Область вошла в поток к выходу.

— Камеры по маршруту, — сказал я.

Сотрудник переключал изображения. Атриум. Первый этаж. Центральные двери. Площадь перед торговым центром.

Структура двигалась наружу.

На одной из камер я увидел Дениса. Его лицо появилось между людьми на долю секунды. Глаза широко открыты. Рот закрыт.

— Куда они идут?

Сотрудник охраны смотрел на нас как на сумасшедших.

— Кто?

— Плотная группа в центре.

— Все идут к метро.

От «Континента» к станции метро вёл крытый переход. Вечером там всегда было многолюдно. Если структура войдёт в поток пассажиров, проследить её станет почти невозможно.

Мы побежали.

Не как герои кино. Я уже не в том возрасте, чтобы красиво перепрыгивать ограждения. Слава отстал на лестнице, матерясь на лёгкие и собственную профессию. Мы вышли на улицу, обогнули здание, спустились в переход.

Люди двигались двумя встречными потоками. Пальто, пакеты, рюкзаки, телефоны. Кто-то уже забыл про сигнализацию, кто-то обсуждал, почему закрыли кафе. Обычная вечерняя масса.

Я не видел Дениса.

Не видел пустой области.

Потом заметил движение, которое шло чуть медленнее окружающих.

Не группу. Форму.

Поток перед ней расходился, затем смыкался. Пассажиры делали небольшие шаги в стороны, не глядя в центр. Кто-то поправлял шарф. Кто-то отводил плечо. Женщина разворачивалась, чтобы пропустить ребёнка, которого рядом не было.

Область двигалась к метро.

— Справа от киоска, — сказал я Славе.

— Вижу.

Это были первые слова, которыми мы признали, что наблюдаем одно и то же.

Мы пошли наперерез. Чем ближе подходили, тем труднее становилось двигаться. Люди не толкали нас намеренно. Они просто всё время оказывались в нужном месте. Мужчина с пакетом шагнул влево. Девушка остановилась ответить на звонок. Двое подростков растянулись поперёк прохода. Я обходил одного и упирался в другого.

— Извините. Пропустите.

Люди пропускали. Через секунду пространство снова закрывалось.

Я увидел лицо Дениса.

Оно появилось между капюшоном женщины и плечом высокого мужчины. Бледное, влажное, будто он находился в душном помещении. Он смотрел прямо перед собой, но не на переход. Глаза фокусировались на чём-то очень близком.

— Денис! — крикнул я.

Он не отреагировал.

Несколько людей обернулись на имя. Только не Денис.

Я протиснулся дальше. Расстояние до него было метра три, но эти три метра не сокращались. Люди менялись, а лицо оставалось на той же глубине. Иногда исчезало. Потом возникало в другом промежутке, не двигаясь обычным способом.

Слава схватил меня за рукав.

— Стой.

— Мы его видим.

— Стой, блядь.

— Почему?

Он показывал вниз.

Пассажиры вокруг нас стояли спинами.

Не все в переходе. Только ближайšie.

Человек восемь или десять образовали вокруг меня неровный круг. Каждый занимался своим: смотрел в телефон, держал ребёнка, поправлял сумку. Никто не смотрел на меня. Их спины были обращены внутрь.

Пустая область формировалась уже вокруг нас.

Мы оказались не снаружи структуры.

Мы стали частью её поверхности.

Я дёрнулся назад. Женщина позади отступила ровно на полшага, сохранив расстояние. Мужчина справа повернулся плечом. Пространство вокруг меня не открывалось. Наоборот, люди мягко перестраивались, удерживая форму.

Звук перехода стал тише.

Сначала я решил, что заложило уши. Голоса, объявления, шаги отдалились. Осталось только дыхание.

Не множество вдохов.

Один.

Долгий, тяжёлый вдох, который проходил через десятки чужих грудных клеток не одновременно, а последовательно. Сначала поднялись плечи женщины слева. Затем мужчина впереди втянул воздух. Потом ребёнок, старик, девушка. Дыхание шло по кругу, как волна.

Я почувствовал запах мокрой шерсти.

Слава рванул меня за воротник.

В этот момент между двумя людьми открылась щель.

Я увидел внутреннюю сторону.

Не могу описать лучше. Всё, что я скажу, будет звучать как хуйня из плохого сна, потому что человеческий язык рассчитан на предметы, у которых есть понятные стороны. Стол имеет верх и низ. Человек — лицо и спину. Помещение — стены и пространство между ними.

Там не было помещения.

И не было существа в обычном смысле.

За спинами людей продолжалось место, которое не помещалось в переходе. Узкое, уходящее в глубину, собранное из складок одежды, локтей, затылков и частей тел, которые принадлежали людям снаружи, но были повёрнуты внутрь иначе. Я видел подкладки пальто там, где должна быть кожа. Видел лопатки,двигающиеся под чужими шарфами. Видел несколько рук, опущенных вдоль невидимых тел, хотя снаружи эти руки держали сумки и телефоны. Суставы сгибались не туда, не ломаясь, а потому что внутри у них было другое направление.

Это походило на коридор, выстланный изнанкой толпы.

В глубине стояли люди.

Не силуэты. Люди.

Некоторые в зимней одежде. Некоторые в старых куртках, давно вышедших из моды. Мужчина в заводской телогрейке. Женщина с пустыми руками, прижатыми к груди. Кто-то в

лёгкой рубашке. Они стояли плотно, один за другим, и все смотрели наружу через щели между чужими спинами.

Я увидел Анну Морозову.

Светло-коричневое пальто. Тёмная сумка. Волосы собраны.

Она находилась дальше Дениса. Или ближе — внутри расстояние не работало нормально. Её лицо на секунду оказалось прямо напротив моего. Ирина Павловна была права: Анна пыталась что-то сказать. Губы двигались.

Звука не было.

Возле неё стоял высокий мужчина в старом пальто. Рядом женщина с букетом. Дальше — ещё лица, которые я знал по фотографиям пропавших.

Нина Аркадьевна могла бы узнать мужа.

Я увидел только часть фигуры, находившейся между ними.

Сначала подумал, что это ещё один человек, очень высокий и худой. Потом понял: у него не было отдельного тела. Оно состояло из промежутков. Из узких тёмных полос между плечами, из щелей между руками, из пространства под локтями и над головами. Все пустоты соединялись, образуя одну неправильную форму, которая проходила через внутренний коридор.

Если бы люди разошлись, форма исчезла бы.

Но пока они стояли рядом, она была.

Она двигалась.

Не к нам и не от нас. Через них.

В глубине кто-то открыл рот.

Долгий вдох закончился.

Начался выдох.

Слава выдернул меня наружу.

Мы оба упали на пол перехода. Кто-то закричал, кто-то выругался. Мужчина уронил пакет. Женщина едва не наступила мне на руку. Обычная толпа на секунду возмутилась препятствием, обтекла нас и продолжила движение.

Пустая область ушла к метро.

Дениса мы больше не увидели.

Слава поднял меня за плечо.

— Ты цел?

Я не мог ответить. Воздуха не хватало, хотя физически я не бежал настолько долго. Ладони дрожали. На языке стоял вкус металла.

— Что ты видел? — спросил Слава.

— Ты сам не видел?

Он покачал головой.

— Я видел, как люди вокруг тебя сомкнулись. Потом между ними стало темно. Не тень. Просто... глубже, чем должно быть. Ты шагнул туда.

— Я не шагал.

— Шагал.

— Ты вытащил меня сразу.

Слава посмотрел на часы.

— Тебя не было секунд двенадцать.

Мне казалось — меньше одной.

Мы вызвали полицию. Объяснили, что видели пропавшего в потоке к метро. Камеры подняли, людей проверили, станцию осмотрели. Дениса не нашли.

На записи перехода всё выглядело проще.

Я пробирался через толпу. Затем несколько пассажиров закрыли меня от камеры. Слава хватал кого-то внутри группы и вытягивал наружу. Мы падали.

Никакой бесконечной внутренней полости.

Никаких пропавших.

Никакой тёмной фигуры.

Только на одном кадре между двумя спинами виднелась часть лица Анны Морозовой.

Она смотрела прямо в объектив.

Лицо было чётче, чем на ярмарочной записи. Анна не выглядела старше. С момента исчезновения прошло больше двух месяцев, но на ней оставалось то же пальто, волосы лежали так же. Возле щеки проходила тёмная вертикальная полоса, которую сначала приняли за ремень сумки.

При увеличении оказалось, что это пальцы.

Чья-то ладонь закрывала ей нижнюю часть лица изнутри.

Пальцы были слишком длинными для нормальной руки. Возможно, изображение растянулось при движении. Возможно, это вообще была складка одежды и наше воображение.

Дениса на камерах после перехода не нашли.

Его жена подала заявление. Дело присоединили к розыску. Наш рассказ о пустой области в протокол, естественно, не вошёл. Я сказал, что заметил пропавшего среди пассажиров, попытался подойти и потерял из виду. Слава подтвердил.

В ту ночь мы закрылись в офисе и несколько часов молча пересматривали записи. Ольга принесла кофе, посмотрела на наши лица и не стала спрашивать.

Потом Слава сказал:

— Это не существо.

— Откуда знаешь?

— У существа должно быть собственное тело.

— Не обязательно.

— Тогда что это?

Я вспомнил коридор из подкладок, лопаток и чужих суставов.

— Способ, которым люди складываются вместе.

— Люди не складываются так.

— Снаружи — нет.

Слава долго молчал.

— Когда я тебя вытаскивал, — сказал он, — держал за воротник.

— Помню.

— Потом на секунду схватился рукой глубже. Хотел за плечо. Там плеча не было.

— В смысле?

— Под пальто было ещё одно пальто. Потом ещё. Как если засунуть руку между висящими в гардеробе вещами. Только все они тёплые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.